

В. П. ЯЙЛЕНКО

О «КОРПУСЕ ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ В СССР»

Византийские, т. е. средневековые греческие, надписи зафиксированы в пределах СССР на значительной территории — от Килии на Нижнем Дунае до Закавказья на юге и Новгородско-Псковской земли — на севере страны. Этот ареал делится на три естественноисторических региона: Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье, Древняя Русь. Здесь известны различные типы византийских надписей IV—XVI вв. — памятники лапидарной эпиграфики, фресковые надписи и граффити на стенах церквей и склепов; граффити, дипинти и клейма на керамике; моливдовулы; надписи на различных предметах культового и бытового назначения.

Все эти памятники изучались неравномерно. Менее всего исследованы греческие надписи на территории Древней Руси, которая с X в. вошла в сферу культурного влияния Византии. Греческие архитекторы сооружали на Руси храмы, живописцы украшали их фресковой и мозаичной декорацией, одним из элементов которой были греческие надписи. Сюда относятся памятники Киева (София, Михайловский монастырь, Успенская Лаврская церковь и др.), Владимиро-Суздальской земли (Успенский собор во Владимире и др.), Новгорода и Пскова (София, Нередица, церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине, Мирожский собор и т. д.). Кроме того, на стенах киевского и новгородского храмов Софии сохранилось около двух десятков практически еще не исследованных греческих граффити. На территории Древней Руси найдены также многочисленные памятники малой эпиграфики — греческие надписи на иконах в дереве, камне, мозаике, на печатях, камнях, энколпионах, сосудах и т. д., равно как и граффити, дипинти и клейма на импортной византийской керамике. Весь этот разнообразный эпиграфический материал не только не собран *in toto*, но даже изучен и опубликован лишь частично. Исследованы только мозаичные греческие надписи Киевской Софии, моливдовулы из Киева, Новгорода и других древнерусских центров, а также отдельные надписи различных жанров¹.

¹ АИЗ, 1893. С. 167—168; 1894. С. 155—156; *Петров Н.* О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // АИЗ, 1898. С. 157 и сл.; *Бенешевич В. Н.* К изучению Перецепинского клада // ИАК, 1913. 49. С. 101—116; *Новосадский Н. И.* Древний топорик Исторического музея // ТСА. 1930. 5. С. 116—119; *Янин В. Л.* Из истории русской художественной жизни XII в. // СА, 1957. 1. С. 113 и сл.; *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ, 1958. 14. С. 129 и сл.; *Белецкий А. А.* Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 161 и сл.; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1, 2; *Кропоткин В. В.* Византийская чаша из Крылосского клада VII в. // ВВ, 1971. 31. С. 194—195; *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 25 и сл.; *Высоцкий С. А.* Автограф художника из Софийского собора в Киеве // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 122—126; *Луцко В. Г.* Греческая надпись из Воиня // НЭ, 1974. 11. С. 209—214; *Куза А. В.* Печати Евстафия // СА, 1977. 3. С. 121—129; *Ивакин Г. Ю.* Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 406—413; *Гуревич Ф. Д.* Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ, 1982. 43. С. 178—183 (здесь и далее библиография выборочная).

Изучение надписей Северного Кавказа и Закавказья имело своим результатом публикацию двух сводов. Сначала И. В. Помяловский собрал корпус из 150 надписей этого региона, известных на 1881 г.² В дальнейшем был опубликован ряд работ различных исследователей о греческих надписях Северного Кавказа и Закавказья, причем быстрее продвигалось изучение надписей в Грузии, которые в конце концов были собраны воедино³. В этот свод вошло несколько сот надписей, ставших существенным историческим источником в значительной мере благодаря обстоятельным комментариям издательницы. На Северном Кавказе подобных памятников известно многим меньше, изучение их нередко сопряжено с малодоступностью подлинников, с наличием малопонятных надписей, исполненных на местных языках, но греческим письмом. Не последнюю роль в том, что северокавказские памятники изучены слабо, играет и отсутствие местных специалистов по греческой эпиграфике. Тем не менее нашей науке удалось достигнуть определенных успехов и в этой области⁴.

Наиболее интенсивно исследовались византийские надписи Северного Причерноморья. С конца XVIII — начала XIX в. многие ученые изучали и издали более сотни таких надписей, главным образом лапидарных, происходящих в основном с территории Крыма (П. С. Паллас, П. И. Сумароков, П. И. Кеппен, Ф. Дюбуа де Монпере, Л. Видау, Л. Ваксель, М. Рауль-Рошет, Н. Н. Муракевич, Ф. А. Струве, П. И. Беккер, Б. В. Кене, В. Н. Юргевич, А. Бек, А. Кирхгоф, А. С. Уваров, Л. Э. Стефани, А. Л. Бертье Деллагард, Г. Э. Караулов, А. А. Кочубинский, А. И. Пападопуло-Керамевс, отцы Л. Одерико, Клопотович, Гавриил, В. Г. Васильевский, В. Ф. Миллер, В. В. Шкорпил, И. В. Помяловский, Ф. А. Браун и др.). Особо значительный вклад в освоение этого цикла надписей внесли Ю. А. Кулаковский и В. В. Латышев. Первый опубликовал пространные молитвенные настенные надписи керченских склепов, открытых в 1890 и 1895 гг.; в ряде работ он подробно исследовал отдельные вопросы истории Северного Причерноморья византийской эпохи, в том числе на основе данных эпитафических источников⁵. Ряд византийских памятников издал В. В. Латышев. В 1896 г. он выпустил свод всех известных к тому времени византийских надписей Северного Причерноморья⁶. Этот свод был оперативно подготовлен им в качестве

² Помяловский И. В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

³ Кауцкишивили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951. На груз. яз.

⁴ Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве // ЗРАО, 1887. 2. С. 44—47 (с заметкой А. Пападопуло-Керамевса на с. CLXI); *Он же*. Заметки о кавказских надписях // ИАК, 1904. 10. С. 98—105; Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК, 1893. 3. С. 110—118; *Он же*. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Там же. С. 119—136; Древние христианские храмы и Св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь. М., 1894; Сысоев В. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // МАК., 1898. 7. С. 132; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949; Турчанинов Г. Ф. Эпиграфические заметки // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1947. 6. С. 509—520; *Он же*. Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея // СА, 1957. 1. С. 250—251; *Он же*. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971; Алборов Б. А. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите // УЗ Северо-Осетинского пед. ин-та. Орджоникидзе, 1956. Т. 21, вып. 2. С. 229 и сл.; Пчелина Е. Г. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // АЕ. 1959 г. М., 1960. С. 298—302; Сержинская Е. Ч. Греческая надпись из средневековой Алалии // ВВ, 1962. 21. С. 118—126.

⁵ Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР, 1891. 6 (см. также рец. В. В. Латышева — ЖМНП, 1891. Дек. С. 393—405); *Он же*. Две керченские катакомбы с фресками // МАР, 1896. 19 (переиздание надписей, впервые опубликованных В. В. Шкорпилом: Вновь открытая христианская катакомба / ЗООИД, 1895. 18. С. 185 и сл.); *Он же*. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 1895. 2. С. 189—198; *Он же*. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ, 1896. 3. С. 1—17; *Он же*. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП, 1898. Февр. С. 173—202; *Он же*. Новейшие находки в Старом Крыму // АИЗ, 1898. С. 77; *Он же*. Прошлое Тавриды. 2-е изд. Киев, 1914.

⁶ Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. См. также рецензия Ю. А. Кулаковского на этот сборник: ВВ, 1897. 4. С. 232—238; ФО, 1897. 12. С. 157—161.

юбилейного издания к 50-летию Русского археологического общества. Сжатые сроки работы не позволили Латышеву дать подробный комментарий к надписям, он ограничивался, как правило, небольшими извлечениями из первоизданий и собственными краткими заметками к публикуемым памятникам, за исключением нескольких, которые он ранее детально комментировал в отдельных статьях, полемизируя с Ю. А. Кулаковским. В «Сборник. . .» вошли 120 надписей, начертанных на камнях, на стенах церквей, а также 8 — на иконах и утвари. По месту происхождения эти надписи распределялись следующим образом: Аккерман — 4, Херсонес — 24, предгорья и южный берег Крыма от Инкермана до Феодосии — 48, Керчь и ее окрестности — 24, Таманский полуостров — 10.

Со времени выхода в свет упомянутого «Сборника. . .» накопилось значительное число новых надписей, которые в основном были изучены и введены в научный оборот тем же Латышевым, В. В. Шкорпиллом, Р. Х. Лепером, А. Л. Бертье, Ю. Ю. Марти, Н. И. Репниковым, Н. В. Малицким, М. А. Шангиным, Е. Ч. Скржинской, М. А. Тихановой, Н. П. Розановой, Э. И. Соломоник и другими исследователями; кое-кто из них обращался также к повторному анализу надписей латышевского сборника⁷. Работы названных ученых в значительной мере расширили наши представления о Северном Причерноморье византийской эпохи. Изученный специалистами материал убедительно свидетельствует, что, учитывая скудость известных византийских авторов об этом регионе, надписи как нарративный памятник наш наиболее информативный источник. Отсюда следует также, что очень важна точность их текстологии: не вполне адекватное прочтение, естественно, влечет за собой соответствующее сужение или даже искажение информации. К сожалению, надписи легко

⁷ *Латышев В. В.* К надписи Евпатерия // ЗООИД. 1898. 21. С. 245—250 (= *Почтих. Спб.*, 1909. С. 201—217); *Он же.* Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД, 1897. 20. С. 149—162; 1898. 21. С. 225—254; 1901. 23. С. 74—78; *Он же.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ, 1899. 6. С. 337—369; *Он же.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895—1898 годах // МАР, 1899. 23. С. 26—51; *Он же.* К церковной археологии Херсонеса // ЖМНП, 1901. Окт. С. 15—22 (= *Почтих. С.* 303—310); *Он же.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году // ИАК, 1902. 3. С. 28—33, 48—50; *Он же.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1904. 10. С. 86—90; 1905. 14. С. 131—133; 1906. 18. С. 121—125; 1907. 23. С. 39; 1908. 27. С. 28—35, 41; 1913. 47. С. 107—109, 115—116; 1915. 58. С. 37—38; 1918. 65. С. 17—21; *Он же.* Вновь найденные в Крыму христианские надписи // ИТУАК, 1916. 53. С. 1—6; *Он же.* Новые христианские греческие надписи из Крыма // Там же, 1918, 54. С. 33—46; *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 году // ЗООИД, 1898. 21. С. 205—210; *Он же.* Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // Там же. С. 8—11; *Он же.* Надгробные надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1899 году // Там же, 1900. 22. С. 107—108; *Он же.* Три христианских надгробия // Там же. С. 59—60; *Он же.* Боспорские надписи, найденные в 1908 году // ИАК, 1909. 33. С. 30—32; *Он же.* Заметки о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // Там же, 1910. 37. С. 23—35; *Он же.* Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // Там же, 1912. 45. С. 18—22; *Он же.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // Там же, 1914. 54. С. 82; *Он же.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // Там же, 1913. 47. С. 73—79; *Шестаков С. П.* К истолкованию херсонесской надписи времени Зенона // ЖМНП, 1906. Март. С. 140—151; *Лепер Р. Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК, 1913. 47. С. 73—79, 146—154; *Бертье А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД, 1910. 28. С. 1—108; *Он же.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Там же, 1915. 32. С. 229—256; *Марти Ю. Ю.* Три христианских надгробия, приобретенные для Мелек-Чесменского музея в 1908—1909 гг. // Там же, 1913. 31. С. 4; *Он же.* Несколько новых надгробий ранневизантийской эпохи, найденных в Керчи // Там же, 1919, 33. С. 53—56; *Тиханова-Клименко М. А.* Греческая надпись с Таманского полуострова // Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Б. м., 1926. С. 546 и сл. (рукопись); *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангуна // ИГАИМК, 1933. 71; *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ, 1938. 3. С. 81—87; *Розанова Н. П.* Незыдавшие надписи Таманского музея // Там же, 1947. 2. С. 173—174; *Скржинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 155 и сл.; *Она же.* Греческая надпись из Тматорокани // ВВ, 1961. 18. С. 74—84; *Соломоник Э. И.* Средневековая надпись *dirinto* из башни Зенона в Херсонесе // Археологические исследования на Украине. Киев, 1971. 3. С. 250—253; *Она же.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 119—122.

«ранимы», редко какой памятник доходит до нас в целостном виде, что наряду с препятствиями побочного характера мешает точному прочтению текста. В таких условиях очевидна необходимость повторного возвращения исследователей к опубликованным и, казалось бы, достаточно изученным памятникам. О плодотворности этого свидетельствует, к примеру, упомянутая статья Е. Ч. Скржинской «Греческая надпись из Тмуторокани», в которой дан подробный анализ одной из надписей латышевского сборника. Можно привести и другие примеры в подтверждение сказанного.

В публикации материалов, полученных во время раскопок базилики на Мангупе, М. А. Тиханова поместила маюскулярный текст надписи на обломке известнякового фриза из крещальни при базилике:

‡ ΟΘΣΤΙ ΠΡΟΣΒΕΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ
ΙΩΑΝΝΟΥ ΣΩΣΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ
ΣΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟΣ
ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ —

с переводом: «О боже, [услышь] просьбу святого Иоанна и спаси раба его, отца Григория, чтеца грешника»⁸. Ни сам камень, ни фотография надписи — увы! — не сохранились, но даже по маюскулам издательницы видно, что текст не вполне правильно и прочтен ею (опущены буквы ΤΙ стк. 1; σοῦ стк. 3 переведено как «его») и понят в качестве некоей бессодержательной просьбы отца Григория к богу, обращенной через посредство св. Иоанна. Выглядит странным расположение монументальной надписи подобного содержания на фризе крещальни. Обычно на таких архитектурных деталях располагаются строительные надписи votивного, обетного или молитвенного характера, чему в данном случае вполне соответствует слово *πρoσβeία* стк. 1 — «честные дары» (а не *πρoσβeία* — «просьба», как читала М. А. Тиханова). Сказанное позволяет прочесть следующий текст надписи: ὁ ἐστὶ πρoσβeία τοῦ ἁγίου | Ἰωάννου. Σῶσον τὸν δοῦλον | σοῦ πάπαν Γριγ(ό)ριν, ἀναγν(ώ)σ | τὴν ἀμαρτολόν. Ἀμήν — «Эта [крещальня] — честные дары святого Иоанна. Спаси раба твоего попа Григория, грешного чтеца. Аминь»⁹. Таким образом, благодаря надписи мы узнаем, что крещальня была выстроена во имя св. Иоанна, и вряд ли можно сомневаться, что это был Иоанн Креститель, судя по расположению надписи на фризе сооружения. Это редчайший случай информации подобного рода, ибо в абсолютном своем большинстве культовые постройки Северного Причерноморья остаются для нас безымянными. Далее, из надписи следует, что баптистерий выстроен попом Григорием, что свидетельствует об известной состоятельности мангупского духовенства в VI в.

Еще пример. В 1868 г. в станице Тамань на берегу моря был найден ствол мраморной колонны с надписью. Это городище античной Гермонассы — Кесареи, хазарской, русской и византийской Тмуторокани — Таматархи. Надпись издал без комментария Э. Л. Стефани, чтение которого уточнил затем по подлиннику В. В. Латышев (ИРЕ, II. 389), отметивший, что, хотя слово *ἁγίω* стк. 3 и крест в стк. 6 дают основания считать памятник христианским, этому противоречит упоминание в стк. 4—5 македонского месяца Ксантика и слова *συνδιαζειται*, ввиду чего надпись является либо эпитафией, либо списком членов *φιαса* античного времени. М. А. Тиханова опровергла это заключение, выявив факты употребления названий македонских месяцев в византийских надписях Северного Причерноморья, а слова *συνδιαζειται* — у ранневизантийских авторов, что привело ее к справедливому выводу о христианском характере памятника, относящегося

⁸ Тиханова М. А. Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (=МИА, 34). М.; Л., 1953. С. 386.

⁹ Местоимение ὁ по среднему роду соответствует слову *βαπτιστήριον* («крещальня»), что дает основание как бы подразумевать это слово в переводе, т. е. «эта [крещальня] — честные дары св. Иоанна»; единственное число местоимения предполагает единственное же число слова *πρoσβeίον*, но употреблено множественное *πρoσβeία* — видимо, под «дарами» имеются в виду само здание и его «оснащение».

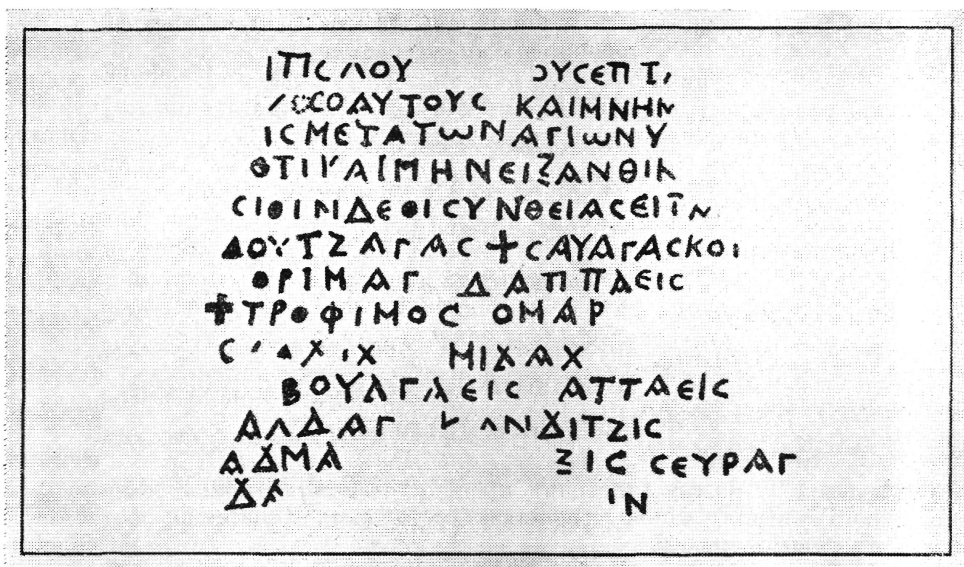

Рис. 1.

к рубежу античной и византийской эпох¹⁰. По ее мнению, надпись представляет собой посвящение или, возможно, начертана в память какого-нибудь лица или события. Исследовательница также предложила несколько поправок к чтению имен, встречающихся в надписи, поправок не вполне, впрочем, удачных. В 1965 г. латышевский текст надписи был повторен с незначительными поправками в «Корпусе боспорских надписей» (№ 1099): -- πολυ--ους ἐπτ[ά?]- | --αὐτοὺς καὶ μνημ-- | --ιο μετὰ τῶν ἁγίων ὅ-- | --μ(η)νεῖ Εὐανθικ[ῶ]- | --οί..λ.οι συνδιασεῖτ[αι]- | -- τζαγας Σαυαγασκο[υ?]- | --οριμαγ(ος?), Δάππαις | Τρόφιμος, Ὀμαρ-- | -- Μιδαχ(ος), | Οὐάγ[α]ις, "Αττασις | [Μα]λδα[γος?], ..νδ. τζις, | Ἄλμ--ις, Σεύραγ(ος), | --ν.

Кратко изложив историю изучения памятника, комментаторы «Корпуса» ограничились своим комментарием замечанием о том, что «почти все имена в этой надписи негреческие. По характеру письма — скорее всего, IV в. н. э.». Как видно, вследствие отрывочности изданного текста данная надпись не давала почти никакой информации.

Обследование мной подлинника, хранящегося в Керченском музее, показало, что в латышевском тексте не передан ряд букв, которые позволяют прочесть связный текст надписи (см. рис. 1):

- [e. g. κ(ύρι)ε, βοήθησον δούλους
 ἄ]μπελου[ργου]ς (?)σ]ου]ς ἐπτά,
 [(?) ἐ]λέ(η)σο(ν) αὐτοὺς καὶ μνημ[ον-
 ε]ῖς μετὰ τῶν ἁγίων. ψ..'
 5 ἔτ(ε)ι καὶ μνηεὶ Εὐανθικ[ῶ·]
 εἰσιγ δὲ οἱ συνδιασεῖτ[αι·]
 Δουτζαγας † Σαυαγασκου,
 (?)Οριμαγ Δαππαις,
 † Τρόφιμος Ὀμαρ,
 10 Σ[αλ(?)]βιχ Μιδαχ,
 Τρ(?)βουλγαις Ἀττασις,
 Μαλδαγ Κανδιτζις,
 Αλμα[ca. 5-6] ζις Σευραγ.
 ΔΑ[ca. 6] (... ..) (?) Ἄμ]ήν

¹⁰ *Тиханова-Клименко М. А.* Греческая надпись с Таманского полуострова. С. 546 и сл. См. также: *Supplementum epigraphicum Graecum. Lugduni Batavorum, 1929. Vol. III, f. 2. N 609.*

«Господи, помоги рабам — виноградарям твоим семерым, помилуй их и поминай вместе со святыми. В году семьсот. . . и месяце Ксантике. Со-
 члены же фiasа суть: Дуджагас (сын) Савагаска, (?) Оримаг Дашпаейс,
 Трофим Омар, Салдих Мидах, Тобулгаейс Аттаейс, Малдаг Кандиджис,
 Алма(— —)ксис Севраг. — —Аминь»¹¹.

Обретя связный контекст, надпись становится существенным истори-
 ческим источником. Действительно, со стк. 5 в ней представлены элементы,
 характерные для актов античных боспорских фiasов: датировка по ви-
 финско-боспорской эре, заголовок списка имен членов фiasа (διασειται,
 συνοδεύεται с различными вариациями) и далее сам список. Иначе говоря,
 данная надпись фiasа V в. н. э. следует структуре аналогичного типа
 актов римского времени. Преемственность эпиграфической документации
 предполагает непрерывность и самого института фiasов на Боспоре.
 Другими словами, раннехристианские фiasы здесь были естественным
 продолжением позднеантичных фiasов I—III вв. н. э., где почитались не
 столько олимпийские боги, сколько божества синкретических восточных
 религий, из которых и выросло христианство. Это позволяет думать, что
 христианство было не только внедрено на Боспоре IV в. приезжими цер-
 ковными иерархами (как это было, к примеру, в Херсоне), но, будучи
 усвоенным низами от заезжих проповедников, частично развилось также
 на почве религиозной идеологии местных позднеантичных культов, от-
 правлявшихся в многочисленных фiasах Боспора.

Заслуживает внимания список имен фiasотов, как лакмусовая бумажка
 отражающий этнический состав населения Гермонассы в V в. Здесь пред-
 ставлены сарматско-иранские имена и адыгские имена северо-кавказского
 происхождения — (?) Ориμαγ, Δουτζαγας, малоазийские имена — Δαπταιεις,
 Ἀτταιεις, семитское имя Ὀμαρ; имя Σαβαγασκος — то ли иранское, то ли
 семитское, теофорное, возможно образованное от теонима Σαβα, божества,
 почитавшегося на Аравийском полуострове, откуда оно было заимствовано
 около II в. н. э. одним из боспорских фiasов (КБН, 77+1136: θεῶς Σαβάς
 θ[ιασειται] — «фiasиты богини Савы»). Наконец, — и это особенно важно —
 здесь представлены гуннские (монгольские и тюркские) имена — Σ(αλ?)διχ,
 Το(?)βουλγαιεις, Σευραγ, Μαλδαγ, Κανδιτζεις, Μιδαχ, Αλμα[-]ξεις. Перед нами
 наиболее раннее свидетельство греческой эпиграфики о гуннах Восточной
 Европы. Их появление на Боспоре было результатом передвижений гуннов
 в IV в. Поскольку в одном христианском фiasе находились представители
 разных этносов, ясно, что в V в. политическая ситуация на Боспоре ста-

¹¹ Не имея возможности подробно обосновать здесь предложенное прочтение, отмечу
 основное. Первые 4 строки содержат текст, трафаретный для поминальных и мо-
 литвенных надписей. Буквы стк. 1 практически неразличимы, поэтому жанр над-
 писи определяется по общему ее содержанию как поминальный — молитвенный.
 В связи с этим я восстанавливаю в стк. 1 иллюстративно начальную формулу молитвен-
 ных надписей. В стк. 2 мной реконструируются в соответствии с остатками букв и
 размерами лакуны [(?) ἀ]μπελο[ρ]ροῦς σ[τ]οῦς ἐπτά — «твоих семерых виноградарей».
 Остается неясным, в каком значении употреблено тут слово «виноградари» (если это
 прочтение верно) — в прямом («земледельцы») или в переносном («христианские па-
 стыри»). Последнее известно раннехристианской литературе, а обозначение профес-
 сии нередко встречается в поминальных и молитвенных надписях (ср., к примеру,
 боспорское же надгробие из Керченского музея: φένθαδε καταίτε Φιλοξενος υἱος
 Ἀγαπετοῦ τῆν τέχνην) γουναρίος — «Здесь покоится Филоксен, сын Агапета, по
 профессии скорняк»). В конце стк. 4 и в стк. 5 содержится датировка по принятой
 на Боспоре с III в. до н. э. вифинской эре. От даты в конце стк. 4 сохранилось только
 обозначение сотни Υ, а следующие одна-две цифры утрачены. Поскольку цифра Υ
 (=400) соответствует 103 г. н. э., что противоречит христианскому облику надписи,
 постольку очевидно, что это не Υ, а Ψ со слегка попорченной вертикалью. Следова-
 тельно, речь идет о дате от 700 до 799 г. вифинской эры, что соответствует 403—
 502 гг. н. э. (есть и другие боспорские надписи V в. н. э., датированные по этой эре;
 см.: Латышев В. В. Сборник. . . № 77, 86). В стк. 2 говорится о семерых фiasотах,
 чему соответствует то обстоятельство, что имена перечисляются в семи строках
 надписи (с седьмой по тринадцатую; в стк. 14, вероятно, содержалась какая-то
 заключительная фраза со словом ἀμήν). Это означает, что в каждой строке
 было не по два имени, как думал Латышев, и не по три, как полагала Тиха-
 нова, а имя и отчество или прозвище каждого из членов фiasа, как в стк. 6:
 Δουτζαγας Σαβαγασκου. Формы сокращенных имен Ὀμαρ, Μιδαχ, Σευραγ могут быть
 и патронимиками и прозвищами, формы номинатива Δαπταιεις, Ἀτταιεις, Κανδι-
 τεις — прозвища.

билизировалась и пришлые элементы осели в местных центрах, слившись с их прежним населением (пришельцами были носители алтайских имен, тогда как носителей остальных имен иранско-сарматского, малоазийского и греческого происхождения можно с полным основанием считать автохтонами). Гунны не уничтожили местную позднеантичную цивилизацию, но, напротив, судя по облику их потомков V в., адаптировались к ней: они восприняли греческий язык, религию и местную культовую организацию (фиас).

Приведенные примеры показывают, повторяем, плодотворность reinterpretации надписей, улучшения их текстологической базы, в результате чего они становятся более точным и содержательным историческим источником, красноречиво свидетельствуя в то же время, сколь значительные резервы информации еще кроются в опубликованных ранее памятниках. Не вполне удовлетворительное в прошлом издание ряда надписей, необходимость повторного исследования многих из них, накопление нового эпиграфического материала, наконец, настоятельная потребность исторической науки в синтезе всех средневековых греческих эпиграфических источников, обнаруженных на территории СССР, давно уже поставили на повестку дня вопрос о создании «Корпуса византийских надписей СССР». Подготовка такого «Корпуса» явилась бы мощным стимулом для тотального пересмотра опубликованного эпиграфического материала и выявления надписей, еще не введенных в научный оборот. Об актуальности подобного «Корпуса» писала еще четверть столетия назад Е. Ч. Скржинская: «Необходимо оживить исследование эпиграфических памятников, создать систематически и полно составленные, тщательно обработанные и научно изданные собрания средневековых надписей Крыма и всего Северного Причерноморья. Такие корпуса надписей могли бы помочь дальнейшему изучению эпиграфических памятников нашего причерноморского Юга»¹². Наличие в стране соответствующих научных кадров позволяет приступить к непосредственной подготовке «Корпуса византийских надписей СССР». Он станет органической составной частью работы советских ученых в области издания византийских источников по средневековой истории народов СССР, частично уже осуществленной¹³. Известия византийских авторов об этих народах во многом дополняются сведениями происходящих с юга страны византийских эпиграфических памятников. Собранные воедино, они станут полноценным источником по отечественной истории.

Подготовка «Корпуса» предусматривает предварительную выработку основных принципов его составления: территориальные и хронологические рамки, видовое и жанровое распределение материала, в конечном счете — его внутренняя структура издания. Решение этих вопросов частью само собой очевидно, частью — дискуссионно. На наш взгляд, «Корпус» должен состоять из 4 основных разделов (выпусков). Три из них строятся

¹² Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. С. 156.

¹³ Извлечение сведений 15 основных византийских авторов о юге России впервые провел еще Латышев (в продолжение соответствующей работы по извлечению сведений из трудов античных авторов — *Scythica et Caucasica*), но в последнее время рукопись подготовленного им издания затерялась. Была опубликована лишь часть ее — извлечение из трактата Константина Багрянородного «Об управлении государством» (ИГАИМК, 1934. Вып. 91). Сведения византийских писателей о Грузии извлекли и свели воедино А. Г. Гамкрелидзе и главным образом С. Г. Каухчишвили. См.: Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1936—1970. Т. 1—8. С. Г. Каухчишвили собрал также сведения грузинских источников о Византии, в том числе о византийцах, пребывавших в Грузии. См.: Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1. С образованием сектора истории древнейших государств на территории СССР (Институт истории СССР АН СССР) оживилась работа по извлечению и интерпретации известий византийских авторов о народах нашей страны. Ряд статей были опубликованы в сборниках «Древнейшие государства на территории СССР» (М., 1976, 1981). См. также: *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980; *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.

по историко-географическому принципу и соответствуют трем вышеупомянутым регионам — Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье, Древняя Русь. Четвертый раздел составили бы византийские надписи на предметах, найденных вне пределов СССР и поступивших в отечественные собрания в новое время (XVII—XX вв.). В каждом из трех основных разделов надписи распределяются по центрам их происхождения, далее — по виду эпиграфического материала (монументальные лапидарные и фресковые надписи, памятники малой эпиграфики и т. д.) и затем — по жанровой принадлежности. В самом общем виде структура и содержание «Корпуса» представляются следующим образом.

Раздел I. Северное Причерноморье (от Килии на Дунае до Таманского и Фанталовского полуостровов). Включает лапидарные надписи, фресковые надписи церквей и склепов, памятники малой эпиграфики (граффити, дипинти и клейма на керамике, надписи на различных предметах культового и бытового назначения).

Раздел II. Северный Кавказ и Закавказье. Включает монументальные лапидарные, фресковые и мозаичные надписи, памятники малой эпиграфики. Раздел состоит из двух частей, содержащих памятники Северного Кавказа и Закавказья (в отдельности).

Раздел III. Древняя Русь. Включает монументальные фресковые, мозаичные и лапидарные надписи, памятники малой эпиграфики.

Раздел IV. Византийские надписи на предметах, найденных за рубежом и поступивших в отечественные собрания в новое время. (Надписи на предметах, найденных на территории нашей страны, но поступивших в зарубежные коллекции, включаются в I—III разделы соответственно месту находки¹⁴.)

Кратко охарактеризуем материалы указанных разделов. Основу первого раздела составит «Сборник греческих надписей христианских времен из южной России» В. В. Латышева, поскольку часть эпиграфического материала уже к 1896 г. была утрачена (немало его погибло и в последующее время) и поскольку структура «Сборника» вполне соответствует вышеупомянутым принципам «Корпуса». С другой стороны, византийский эпиграфический фонд Северного Причерноморья значительно пополнился новыми надписями, найденными после 1896 г., когда вышел в свет латышевский «Сборник». Это и лапидарные памятники, и монументальные фресковые надписи в церквях и склепах, опубликованные в ряде работ (см. примеч. 7). Есть и находки самого последнего времени, которые еще не опубликованы; они содержат интересный материал по Херсонесу, Фунам, Партегиту, Тамани. В качестве образца приведем памятник, найденный в 1962 г. на городище античной и средневековой Фанагории (рис. 2): ἐνθάδ(ε) | τοξέυε! | Ὀδύτανος|[δ] | πρ(ω)τ(ο)[|]κ(ω)μίτ(τ)ης | Χιμπί(δο)ς | βεῖδς 'Αγα|θῶ τοῦ| — «Здесь стреляет из лука Устан, протокомет Киммериды, сын Агафа, сына . . .»¹⁵. Надпись относится к IV—VI вв. н. э. и свидетельствует, что в какой-то период указанного времени Таманский полуостров был устроен в административном отношении иначе, чем во II—III вв. н. э., когда его территория разделялась на владения боспорского царя и полисные земли Гермонассы — Кесареи и Фанагории — Агриппии. С 370-х годов Боспором владели гунны — это продолжалось до 528 г., когда Юстиниан восстановил здесь власть ромеев (Проскор., De aed. III, 7, 12. Theoph. 175), причем, судя по одной из надписей, от имени византийского царя велось строительство и на Таманском полуострове. Ввиду общего запустения греческих центров азиатского Боспора после гуннского нашествия указанная территория, кажется, была реорганизована в сельский округ, называвшийся Киммеридой; во главе округа стоял сельский староста —

¹⁴ Например, моливдовулы из Армении. См.: Юзбашян К. Н. Новые данные для изучения византийской администрации в Армении и Грузии в XI в. // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. Т. 2. С. 68—72.

¹⁵ Надпись любезно предоставлена для публикации директором Темрюкского музея М. И. Лют. Это прямоугольная известняковая стела, обломанная снизу, выс. 65, шир. 40, толщ. 17 см; высота букв 5 см. Здесь даны лишь основные выводы.

протокомет, происходивший из местной иранской знати, как можно судить по его имени.

Больше всего византийских надписей — из Херсона и юго-западной Таврики. Они составляют две трети материала, вошедшего и в латышевский «Сборник». Отсюда происходит основная масса новых находок. Так, к примеру, найденное в Херсоне надгробие Гота:

† κ(υρι)τη, τι κιετον ποιησει τον δοδλο[ν] τον τ(οδ) θε(οδ) Γότου, или, с соблюдением норм правописания: Κ(ύρι)(ε)κ<ν>, τ(ῆ) κ(ο)ί<ε>κ<ε>τον πο(ι)τή<ε>(ῆ)ι τον δοδλο[ν] τον τ(οδ) θε(οδ) Γό-ο(ν) — «Да упокоишь здесь, господи, раба божьего Гота»¹⁶. Данная эпитафия интересна именем Γότος, образованным от этнонима готов. По-видимому, оно свидетельствует о проникинении элементов этого этноса в Херсон и об адаптации ими греческой культуры и религии.

Как видно, при скудости сведений византийских авторов о Северном Причерноморье каждый впервые выявленный эпиграфический памятник дополняет новыми штрихами наши весьма фрагментарные представления об истории отдельных городов и местностей этого региона. Сгруппированные по центрам происхождения, надписи позволят воссоздать более детализированную картину региональной истории. Особенно большая работа предстоит по систематизации имеющихся в значительном количестве памятников малой эпиграфики, прежде всего граффити и дипинти на византийской керамике, добытых за более чем полтора столетия историю археологических исследований Крыма и Таманского полуострова. Этот материал исследован неравномерно. Хорошо изучены клейма на черепице, керамике, гирях, а также печати из Херсона и некоторых других центров¹⁷, но в крайне незначительной степени — граффити и дипинти на керамике, дереве, кости, металле¹⁸.

Во втором разделе группируются надписи Северного Кавказа и Закавказья. Этот раздел необходимо было бы разделить на две части, в одной из которых поместить памятники Северного Кавказа, а в другой — Закавказья, поскольку исторические судьбы обеих областей различны да и надписи Закавказья уже изданы отдельным сводом Т. С. Каухчшвили, упоминавшимся выше («Греческие надписи Грузии»). В печати отмечались как его достоинства, так и недостатки, справедливо указывалось (А. И. Болтуновой) на целесообразность второго издания¹⁹. Отчасти оно диктуется не вполне корректной текстологией и графическим воспроизведением многих надписей, отчасти — наличием в своде надписей нового времени (в частности, «сувенирных» поделок монахов Ново-Афонского мона-

¹⁶ Известная стела выс. 80, шир. 73, толщ. 14 см; выс. букв 1—4 см (рис. 3). Найдена во время раскопок, производившихся И. А. Антоновой, которая любезно предоставила ее в мое распоряжение. По форме креста надпись датируется VI—VII вв., чему соответствует и ее палеография. Выражение κοί<ε>κ<ε>τον ποιησει в классическом языке означает «ложиться спать» (*Herod.*, VII, 17), откуда позднее значение «упокоиться» в данной надписи.

¹⁷ Толстой И. И. О византийских печатях херсонской фемы // ЗРАО, 1887. 2. С. 28—43; Юргевич В. Н. О свинцовых печатях византийских, хранящихся в музее Одесского общества истории и древностей // ЗООИД, 1898. 21. С. 39—41; Панченко Б. А. Шесть моливдобоулов из Партенита // ИАК, 1906. 18. С. 160—164; Васильев А. А. Описание византийских гирь и эскагий, хранящихся в Академии // ИРАИМК, 1922. 2. С. 237—240; Чуштова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. // Археология и история Симферополя, 1962. Т. 2. С. 94 и сл.; Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ, 1976. т. 37. С. 156—159; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

¹⁸ Этот материал издан главным образом в разного рода публикациях археологических памятников, например в МИА, 17, 25, 34, 63, 85 и т. д. См. также: Залеская В. Н. Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // ВВ, 1964. 25. С. 167—175; Кадеев В. И. Средневековые граффити из Херсонеса // СА, 1968. 2. С. 298—290; Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ, 1973. 1. С. 55—57; Литаврин Г. Г., Пятшышева Н. В. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса // Studia in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978. С. 262—265; Романчук А. И., Быков М. Я. Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита // ВВ, 1981. 42. С. 145.

¹⁹ См.: ВДИ, 1953. 4. С. 84.

стыря); к тому же он опубликован на грузинском языке, недоступном широкой аудитории. Разумеется, в закавказский раздел должны быть добавлены немногочисленные византийские надписи Армении, новые надписи, обнаруженные на территории Грузии, в том числе памятники малой эпиграфики²⁰.

Часть второго раздела, посвященная памятникам Северного Кавказа, включает византийские надписи, найденные на территории Краснодарского края (кроме памятников Таманского и Темрюкского районов, исторически принадлежащих к Северопричерноморскому ареалу), Ставропольского края, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской АССР. Со времени выхода в свет упоминавшегося выше сборника И. В. Помяловского здесь выявлен и по большей части изучен существенный эпиграфический материал, требующий систематизации, — лапидарные памятники, фресковые надписи в церквах, памятники малой эпиграфики (см. примеч. 4). В «Корпус» должны быть включены надписи не только на среднегреческом языке, но также билингвы — надписи на местных языках, выполненные греческим алфавитом и содержащие отдельные греческие слова и выражения. Предстоит, конечно, большая работа по выявлению греческих и двуязычных эпиграфических памятников, поскольку некоторые из них, найденные краеведами, хранятся в местных школьных музеях (например, в станице Отрадной Краснодарского края). Новый материал из раскопок и сборов, особенно памятники малой эпиграфики, поступает и в городские музеи, научные учреждения, вузы. Такова, к примеру, новая надпись из Анапского музея:

† ἐκμιήθη [ὁ δδ] -	«Упокоился раб
λωσ τδ θ(εο)ῦ	божий
κὲ τὸ <ν> τέχνον Ὁ-	и дитя Охормаз.
χωρμαζ. Γενη-	Генеджуата, жена Кан[.]атола,
τδθαθα γινὲ Кан. -	(поставила памятник) в году
ατολ, ἔτφ ωτ. .'	тысяча сто - -» ²¹ .

Надпись свидетельствует о проникновении элементов византийской цивилизации (религия, язык, хронология) в среду адыгских племен. Она содержит имена из адыгской средневековой ономастической номенклатуры и вместе с тем фиксирует крайний северо-западный предел зоны обитания адыгов в XII в. В Анапском районе, где берут начало предгорья Северного Кавказа, разведками экспедиции Е. М. Алексеевой обнаружен ряд средневековых поселений и могильников, находки в которых показывают, что население, которому они принадлежали, было христианским (см., например, большой каменный крест из Уташа, рис. 5). К сожалению, эти памятники не раскапываются и постепенно разрушаются под активным воздействием человека и стихий.

Третий раздел «Корпуса», посвященный византийским эпиграфическим памятникам Древней Руси, помимо монументальных фресковых надписей,

²⁰ *Кауцхишвили Т. С.* Греческая надпись найденной в Цилкани геммы // *Материалы по археологии Грузии и Кавказа.* Тбилиси, 1955. Т. 1. С. 211—218; *Она же.* Эпиграфические новости из Грузии // *ВДИ,* 1958, 4. С. 129—133; *Она же.* Греческая надпись из Казрети // *ВВ,* 1968, 29. С. 269—274; *Она же.* Греческая надпись на сухумском светильнике // *Тр. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории.* Сухуми, 1957. Т. 28. С. 227—236; *Мацулевич Л. А.* Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // *ВДИ,* 1956. 4. С. 146—153; *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // *ВДИ,* 1964. 2. С. 142—145. Памятники малой эпиграфики также публиковались главным образом в трудах различных археологических экспедиций, раскапывавших Пицунду, Сухуми, Нокалакеви и другие места.

²¹ Любезно предоставлена мне дирекцией музея для публикации. Это известняковая стела, обколотая справа вверху и справа внизу, выс. 83, шир. 50, толщ. 26 см. Средняя высота букв 3,5 см (рис. 4). Найдена в 1962 г. у поселка Гостагай Анапского района. Надпись датирована по эре «от рождения Христова» 1100 г. (омега и тау даны в лигатуре); далее следует скол, которым, вероятно, уничтожены одна-две последние цифры даты, т. е. в целом надгробие относится к XII в., чему соответствует и палеография надписи. Текст с исправленной орфографией выглядит так: † ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ καὶ τὸ <ν> τέχνον Ὁχωρμαζ. Γενητζουαφα γυνὴ Кан[.]ατολ, ἔτ(ε)ι ωτ. .'

включает и еще недостаточно изученные малые эпиграфические памятники — граффити на стенах церквей, дипинти, клейма и граффити на византийской керамике, найденной во многих древнерусских центрах, метки на камнях и кирпичках построек, возведенных византийскими мастерами, надписи на печатях, иконах, образках, произведениях торевтики, перстнях и т. д. Собранные вкуче, эти памятники позволят составить более полное представление о роли Византии в культурной истории Древней Руси. Пока еще этот вклад изучен в недостаточной степени. Так, исследователи обычно считали, что византийские художники сопровождали свои произведения греческими надписями, причем такие случаи, когда при фресках новгородской церкви Спаса на Ильине улице, расписанной Феофаном Греком, имелись древнерусские надписи, объяснялись тем, что их делали русские помощники греческих мастеров²². Однако с равным основанием можно полагать, что византийские мастера, работая на Руси, адаптируясь к иноязычной среде, усваивали ее язык, чем и объясняется, скажем, наличие в той же церкви на Ильине, а также близкой ей по художественной декорации церкви Федора Стратилата и древнерусских и греческих надписей.

Восприятие византийскими мастерами древнерусского языка хорошо прослеживается на примере художника Алексея Гречина, в чьей усадьбе найдена переписка на древнерусском языке²³. Прозвище этого художника — Гречин — может быть понято единственно в том смысле, что он был греком по происхождению: не случайно все три художника, упоминаемые новгородскими летописями по имени, имеют прозвище Гречин, в том числе и Феофан, — это отражает соответствующий обычай номинации византийских мастеров на Руси Гречинами. Вывод об усвоении греческими живописцами на Руси местного языка позволяет расширить круг их произведений и дает основания предполагать, что присутствие греческих надписей на произведениях с характерными чертами византийского стиля объясняется принадлежностью этих произведений кисти греческих мастеров, а не тем, что русские художники копировали греческие надписи тишиков²⁴.

Последний, IV раздел «Корпуса» включает надписи на различных предметах византийского происхождения, найденных вне пределов СССР и поступивших в отечественные собрания в XVII—XX вв. Таковы надписи на рельефах из Пальмиры, на иконах, посуде из металла и керамики,

²² См., к примеру: *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Лядоги. М., 1960. С. 72.

²³ *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 136 и сл.

²⁴ В свое время наличие русских фресковых надписей в Георгиевской церкви Старой Лядоги при общей византийской стилистике росписей привело В. Н. Лазарева к заключению о принадлежности ее основных циклов новгородскому художнику-грекофилу. См.: *Фрески Старой Лядоги*. С. 71 и сл. Поскольку теперь мы знаем, что греческий художник мог владеть русским языком, работая на Руси (Алексей Гречин), отпадает необходимость в таком несколько искусственном определении, как «новгородец-грекофил». Перед нами — роспись ведущего византийского мастера. К этому же выводу можно прийти и другим путем. Б. А. Колчин, А. С. Хорошев и В. Л. Янин предположили с полным основанием, что Алексей Гречин участвовал в росписи Нередицкой церкви (Усадьба новгородского художника. С. 156 и сл.), а В. Н. Лазарев отметил, что «наибольшее количество точек соприкосновения староладожская роспись обнаруживает с фресками Нередицы» (*Фрески Старой Лядоги*. С. 73—74). Эта близость отдельных циклов нередицких росписей староладожским позволяет считать, что и последние в основном принадлежали руке Алексея Гречина, который и мог быть ведущим исполнителем этих фресок. Таким образом, создателем росписи Георгиевской церкви, судя по всему, мог быть византийский мастер (Гречин!). То обстоятельство, что Алексей Гречин прочно осел в Новгороде и обзавелся собственной усадьбой, вовсе не превращает его в русского мастера — подобным образом и Феофан Грек при многолетнем пребывании на Руси как был, так и остался византийским художником. Приведенный пример с фресками Георгиевского храма показывает потенциальную принадлежность византийским мастерам еще ряда художественных памятников Древней Руси, содержащих греческие и древнерусские, а то и только древнерусские надписи. Дальнейшая работа в данном направлении представляется весьма перспективной, поскольку она могла бы уточнить наши знания о подлинном вкладе Византии в художественную сокровищницу Древней Руси.

на крестах, образках и т. д., хранящихся у нас в различных коллекциях, в том числе и частных. Эти предметы уже выявлены и каталогизированы усилиями многих ученых²⁵, а отдельные надписи на них рассмотрены в ряде публикаций²⁶.

Как явствует из сказанного, предложенная структура «Корпуса византийских надписей СССР» обуславливается тремя основополагающими принципами: распределение памятников по месту происхождения, по типу (лапидарные, фресковые, граффити и т. д.), по жанровой принадлежности. Эти принципы давно апробированы эпиграфикой, но остается дискуссионным сведение воедино при том или ином центре всех найденных в нем надписей — и монументальных и малых форм. С этого начинала практика античной эпиграфики: так построен *Corpus inscriptionum Graecarum* А. Бёка, но в XX в. своды надписей включают порознь памятники малой и монументальной эпиграфики (например, в серии материалов афинской Агоры)²⁷. В целом этот принцип выдерживается, когда налицо обилие надписей того и другого типов в одном центре, если же надписей не слишком много, они издаются вместе (например, в серии материалов афинского Керамика)²⁸. Количество византийских надписей в отдельных местах на территории СССР обычно невелико, исключая Херсон, что и обусловило предлагающуюся здесь совместную публикацию монументальных и малых эпиграфических памятников того или иного центра, включенного в «Корпус». Конечно, возможна и раздельная систематизация материала: отдельным томом могут быть изданы, в частности, лапидарные надписи северопричерноморских центров или моллидовулы, происходящие из зарубежных центров, но хранящиеся в СССР, главным образом в Эрмитаже. Словом, по ряду пунктов структура «Корпуса» нуждается в уточнениях, обусловленных конкретными обстоятельствами (издательские возможности, вкусы исследователей, их предпочтения в отношении того или иного материала, количество имеющихся эпиграфических памятников и др.).

Актуальность подготовки «Корпуса византийских надписей СССР» очевидна. Разумеется, сложная и трудоемкая работа по их выявлению и систематизации, усовершенствованию текстологии и комментированию потребует значительных усилий специалистов.

²⁵ Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966; Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Вып. 1—3.

²⁶ Панченко Б. А. Каталог моллидовулов // ИРАИК, 1907—1908. Вып. 8, 9, 13; Банк А. В. Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ, 1952. 5. С. 191—202; Гюзальян Л. Т. Приложение к статье А. В. Банк «Восточный сосуд с греческой надписью» // Там же. С. 202—206; Банк А. В. Гемма с изображением Соломона // ВВ, 1956. 8. С. 331—337; Она же. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа // ВВ, 1958. 14. С. 234 сл.; Она же. Несколько византийских камней из собрания Гос. Эрмитажа // Там же, 1959. 16. С. 206—215; Шандровская В. С. Григорий Каматир и его печать в собрании Гос. Эрмитажа // Там же. С. 173—182; Она же. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // Там же, 1968. 29. С. 244—253; Она же. Поправки и дополнения к «Каталогу моллидовулов» Б. А. Панченко // Там же, 1977. 38. С. 102—119; Филатов В. В. Портативная мозаика «Св. Николай» Киевского музея // Там же, 1969. 30. С. 226—232; Залеская В. Н. Гностическо-христианский амулет с изображением ангела Арлафа // СГЭ, 1973. 36. С. 54—58; Она же. Византийский votivный сосуд с текстом псалма // ВВ, 1979. 40. С. 135—138.

²⁷ Athenian Agora. Vol. 10. Weights, Measures and Tokens. Princeton, 1964; Vol. 15. Inscriptions. The Councillors, 1974; Vol. 17. Inscriptions of the Funerary Monuments. 1974; Vol. 21. Graffiti and Dipinti. 1976.

²⁸ Kerameikos. Bd. 3. Inschriften. Ostraka. Fluchttafeln. B., 1941.